

Доктор Дэвид А. ДеСильва, 2 Питер и Джуд, сессия 4

Послание Иуды, полное туманных намёков, яростной полемики, затрагивающее неясную ситуацию, пожалуй, уместно поместить в конец Нового Завета. Там оно, как правило, почитается, но удобно забыто. В стандартных воскресных литургиях Иуда не упоминается.

Полагаю, это редко становится предметом изучения книг в церквях. Это не совсем подходит для личного молитвенного общения. Если бы издатели Библии прекратили печатать Послание Иуды, прошло бы немало времени, прежде чем они это заметили.

Послание Иуды бросает современному читателю несколько вызовов. Во-первых, это его краткость. У нас есть лишь очень узкий промежуток в 25 стихов, через который мы можем заглянуть в жизнь его адресатов и проникнуть в ситуацию, к которой обращается автор.

Мы никогда не узнаем этого автора так же хорошо, как Павла, Иакова или старца, подарившего нам 1-е, 2-е и 3-е послания Иоанна. Поэтому он останется скорее каноническим знакомым, чем другом. Во-вторых, в послании сделан акцент на осуждении и осуждении.

По сути, это гневная тирада против определённых людей, которые, как утверждает автор, пришли в общину и начали эксплуатировать её членов ради удовлетворения собственной жадности и эгоистичных желаний. Пропаганда Божьего суда и жёстких линий поведения в христианской практике вряд ли соответствует ценностям XXI века – толерантности и плюрализма. В-третьих, автор часто использует неясные ссылки как на эпизоды из Ветхого Завета, так и на образы из внебиблейских текстов.

Чтобы в полной мере оценить это краткое послание, читателю необходимо иметь мысленный доступ к широкому пласту ранней иудейской литературы. Четвёртый момент — неоднозначное восприятие послания Иуды на протяжении всей церковной истории. Ранняя церковь разделилась во мнениях относительно его авторитета.

Во многом благодаря его обращению к внебиблейским текстам. Лютер не был уверен, что оно достаточно ценно для включения в Новый Завет. Что предлагает Иуда в качестве обоснования его включения в наш канон, даже в самом конце? В этом кратком курсе я надеюсь показать, что Иуда вносит как минимум три важных вклада в продолжающуюся работу ученичества и служения.

Во-первых, Иуда подтверждает убеждённость, пропагандируемую на протяжении всего Нового Завета, в том, что Божья благодать в Иисусе Христе имеет определённую цель: наше освобождение от страстей и вожделений нашего ветхого «я» и наше преобразование в нового «я», которое предстанет безупречным перед Богом. Любой другой отклик на Божью благодать, любое иное использование Божьей благодати, с точки зрения Иуды, равнозначно отречению от нашего единственного господина и

Господа Иисуса Христа. Иуда одобрил бы акцент Джона Уэсли на том, что Бог действует, чтобы спасти нас не только от наказания за грех, но и от власти греха, чтобы мы действительно могли жить в святости и праведности перед Ним.

Во-вторых, Иуда напоминает нам о нашей ответственности перед Богом, то есть о неизбежности Божьего суда. Он связывает это, в частности, с честностью служителя и, таким образом, постоянно ставит перед нами важный вопрос: занимаемся ли мы религиозным делом ради служения Божьим целям для людей, которых Бог нам доверил, или же мы занимаемся религиозным делом ради собственных интересов, будь то очевидные похоти или более тонкие искушения эгоизма и насущного хлеба? Скандалы, потрясшие столь многие конфессии и некоторые неконфессиональные церкви, всецело позоря Евангелие, напоминают нам о том, что эти опасности всегда присутствуют. В-третьих, Иуда напоминает нам о нашей ответственности друг перед другом и о нашей обязанности друг перед другом требовать отчета друг от друга.

Это противоречит здравому смыслу, особенно западных церквей XXI века, где право личности на самоопределение, свободное от репрессивного вмешательства других, становится всё более значимой ценностью. Иуда обращается к нам с контркультурным словом, побуждая нас вмешаться и восстановить братьев и сестёр во Господе, которые движутся в направлении, противоположном тому, к которому нас побуждает Божья благодать, и побуждая нас смиряться, чтобы прислушиваться, когда мы сами оказываемся объектом такого вмешательства. Уже за один этот вклад послание Иуды заслуживает внимательного и внимательного прочтения.

Первое слово послания вызывает самые жаркие споры: Иуда, Иуда, раб Иисуса Христа и брат Иакова. Имя Иуда было очень распространённым, оно произошло от имени одного из 12 патриархов, который, по сути, дал своё имя самому продолжительному политическому образованию в древнем Израиле – южному Иудейскому царству. В Новом Завете мы встречаем несколько человек по имени Иуда.

Иуда Галилеянин был революционером. Иуда, сын Иакова, одного из учеников. Иуда, а не Искариот, как мы читаем у Иоанна.

Конечно, Иуда Искариот упоминается. Но в книге Деяний мы также встречаем Иуду Дамаскина, Иуду Варсаву, а в Евангелиях — Иуду, единокровного брата Иисуса и брата Иакова, Иосифа и Симона, а также брата двух или более неназванных сестёр. Представление автора о себе как о рабе Иисуса Христа и брате Иакова наиболее ясно указывает на последнего из этих иудеев, поскольку человек мог отождествлять себя с братом, а не с отцом, только если этот брат был особенно известен в определённом кругу.

Иаков, единокровный брат Иисуса, по-видимому, не был прочно связан с Его последователями до воскресения, когда Иисус явился ему, воскреснув из мёртвых, как мы читаем в 1 Коринфянам 15, стих 7. Однако Иаков быстро стал лидером Иерусалимской церкви, несомненно, ко времени визита Павла в Иерусалим, о котором он рассказывает в Галатам 2:1-10. Иаков также играет ведущую роль в Иерусалимской конференции в Деяниях 15, где он произносит последнее слово. И снова в Деяниях 21,

где он даёт Павлу наставления, призванные рассеять подозрения иудео-христиан по отношению к Павлу и его миссии.

Особенно в XIX веке рост интереса к исторической критике побудил учёных вновь поднять вопросы авторства всех новозаветных писаний. Послание Иуды не было исключением. Сейчас часто встречаются комментарии, предполагающие, что это краткое послание было написано не самим Иудой, а более поздним автором от его имени.

Мы кратко рассмотрим аргументы против подлинности письма и мои собственные доводы в пользу того, что оно написано единокровным братом Иисуса, Иудой. Первый аргумент против подлинности этого короткого письма связан с утверждениями о том, что оно явно написано в конце I или начале II века. В частности, следует отметить три его особенности :

Этот аргумент, однако, кажется мне наименее убедительным и, по сути, давно уже от него следовало бы отказаться, поскольку Послание Иуды не обладает ни одной из характеристик, якобы отражающих постапостольские сочинения. Первая характеристика — это угасающее ожидание возвращения Христа. Однако Иуда демонстрирует живое ожидание, по крайней мере, решающего вмешательства Бога для суда над миром.

Хотя Иуда не настаивает на близости времени, ничто не указывает на обратное, и уж точно ничто не указывает на задержку в исполнении этих ожиданий, как мы видим, например, во Втором послании Петра, где прямо рассматривается проблема предполагаемой задержки возвращения Христа и Божьего суда. Вторая характерная черта — это обращение к церковной иерархии с просьбой решить проблемы местных общин, как это можно увидеть в посланиях Игнатия Антиохийского, писавшего около 110 года н. э. Однако в послании Иуды подобных обращений нет.

Нет даже упоминания о церковных должностях. Третья особенность — предполагаемое вырождение использования слова «вера» из динамического термина, обозначающего отношения, в термин, обозначающий совокупность доктрин. Этот критерий особенно проблематичен по двум причинам.

Во-первых, слово «вера» используется для описания совокупности убеждений и образа жизни на самом раннем этапе истории Церкви. В этом смысле оно появляется уже в Послании к Галатам, глава 1, стихи 23 и 24, где Павел вспоминает, как иудейские христиане отзывались о нём ещё в 40 году н. э. Я тогда ещё не был лично известен церквям Иудеи, пребывающим во Христе.

слышали только , как сказано: тот , кто прежде гнал нас, теперь проповедует веру, которую он когда-то пытался уничтожить. Вера здесь, очевидно, не является реляционным термином, а обозначает совокупность убеждений и модель практики, определяющую движение, которому Павел ранее противостоял. Этот конкретный критерий также выделяет более типичное для Павла использование веры как реляционного термина доверия между христианином и Иисусом по сравнению с другими вариантами, как ранним и более живым, а не поздним и более окаменевшим.

Обратите внимание, однако, что даже Павел может использовать слово «вера» в том же смысле, что и те иудейские христиане, которых он цитировал в Послании к Галатам 1:23. Например, в Послании к Филиппийцам 1:27 мы читаем: «Только жизнь ваша должна быть достойна благовествования Христова, дабы, приду ли я и увижу вас, или буду отсутствовать, слышать о вас, что вы стоите в одном духе и единомысленно подвизаетесь за веру евангельскую». Использование слова «вера» для обозначения содержания евангельского послания было уместно в любой период, как в ранний, так и в поздний.

Где бы ни шла речь о противостоянии Евангелию или его защите, контекстом служит вера. Уровень владения греческим языком в письме также часто указывает на то, что его написал не исторический Иуда, а кто-то другой. Мог ли сын галилейского ремесленника писать по-гречески так, как мы видим в этом письме? На самом деле, у нас нет прямых сведений о ремесле и профессии Иуды до, а возможно, и во время его служения, и не требовалось ли ему более свободного владения вторым языком Галилеи, а именно греческим.

Можно предположить, что он участвовал в семейном бизнесе, связанном со строительством и плотницким делом, но это остаётся лишь предположением. Не было гарантировано, что все члены семьи будут участвовать в бизнесе отца, и, возможно, бизнеса было недостаточно, чтобы прокормить такое количество членов семьи. Некоторые учёные также регулярно упускают из виду опыт Иуды в Иерусалиме, где он возглавлял религиозное движение в многоязычном городе.

Иаков, Иуда и другие лидеры раннего христианского движения, вероятно, регулярно общались с грекоязычными евреями диаспоры, которые либо проживали в Иерусалиме, либо время от времени приезжали на большие паломнические праздники. Иуда также имел опыт миссионерской деятельности. Евсевий, ссылаясь на Юлия Африкана, жившего в III веке, говорит о родственниках Иисуса как о миссионерах в Галилее.

В Галилее было несколько городов, где проповедь и преподавание на греческом языке были бы чрезвычайно полезны, если не необходимы, например, Сепфорис, Тивериада и Вифсаида Юлиева. Если их миссия распространялась на города Декаполиса, такие как Скифополь, который галилейские евреи проходили по пути в Иерусалим, если не направлялись через Самарию, Гадару или Гиппос, расположенные на берегу Галилейского моря, то им действительно требовалось овладение греческим языком. Павел предполагает, что у братьев Иисуса была ещё более обширная миссия.

Он рассказывает своим обращённым в Коринфе апостолам и братьям Господним, которые служили странствующими миссионерами и учителями, сопровождаемыми в своих путешествиях жёнами, которым церкви также оказывали поддержку, ожидая, что эти коринфские верующие знакомы с этой практикой. Об этом говорится в 1 Коринфянам 9:5. Служение в любой из этих областей потребовало бы от Иуды, каким бы ни было его прежнее призвание, углубления знаний греческого языка. Послание Иуды демонстрирует богатый греческий словарный запас, но не выдающийся греческий стиль.

И общепризнанно, что освоить словарный запас легче, чем достичь естественности выражения на втором языке. Существует также возможность, и даже вероятность, что Иуда воспользовался помощью других христиан, которые сами были лучше знакомы с греческим языком и его грамматикой, как Иуда писал грекоязычным новообращенным. Наконец, некоторые ученые оспаривают подлинность послания на том основании, что в стихах 17 и 18 Иуда упоминает о смерти апостолов, когда рассказывает об этом слушателям.

Но вы, возлюбленные, помните предсказания апостолов Господа нашего Иисуса Христа, которые говорили вам, что в последнее время появятся наглые ругатели, подражающие нечестивым страстям. Однако при более внимательном прочтении становится ясно, что слушателям прямо сказано помнить слова апостолов, а не вспоминать апостолов как умерших.

Последнее предположение возможно, но ничто не делает его вероятным, не говоря уже о необходимости. Следовательно, эти стихи не содержат никаких указаний на эту дату. Более того, автор предполагает, что его аудитория слышала эти слова из уст самих апостолов, относя, по крайней мере, некоторые из них, что вполне естественно, к первому поколению существования Церкви.

Потенциально позитивным признаком подлинности письма является его укоренённость в палестинских еврейских традициях. Библейские фразы, которые использует автор, как правило, более точно отражают еврейский текст Ветхого Завета, чем Септуагинту – греческий перевод Ветхого Завета, широко распространённый среди грекоязычных евреев по всему Восточному Средиземноморью. Например, в Иуде 12 о незваных гостях говорится как о безводных облаках, гонимых ветром.

В еврейском тексте Притчей 25:14 хвастливый человек сравнивается с облаками и ветрами без дождя. В Септуагинте же хвастливый человек уподобляется просто ветрам, облакам и дождям, упуская главную черту первоначального образа – бушующий шторм, не приносящий никакой пользы. В Послании Иуды, стихе 13, незваные гости названы бурными морскими волнами, поднимающими свою униженную пену.

Опять же, это отражает еврейский текст Исаии 57, стих 20, где нечестивые сравниваются с бурлящим морем, воды которого выбрасывают ил и грязь. В Септуагинте этот стих отсутствует выразительный образ беспокойного моря, взбивающего ил на дне. Там, в Септуагинте, нечестивые просто (цитата) будут бросаться волнами и не смогут найти покоя.

Наиболее впечатляющим является использование автором Первой книги Еноха – текста, который, по всей видимости, был составлен и наиболее широко читался в Палестине. Мы вернёмся к этой теме позже, подробно изучая письмо. Автор также, по всей видимости, был знаком с внебиблейскими традициями о таких библейских персонажах, как Каин, которые встречаются в палестинских текстах, например, в арамейских таргумах – арамейских переложениях еврейских писаний.

Что касается даты письма, то чётких внутренних указаний нет, за исключением выдающейся роли Иакова, что позволяет предположить время после отъезда Петра из

Иерусалима и вступления Иакова в должность лидера. С другой стороны, можно предположить вероятную продолжительность жизни младшего брата Иисуса. Следовательно, мы можем предположить, что этот текст был написан в любой момент между 50 и 80 годами нашей эры.

Отсутствие каких-либо упоминаний о существовании храма или его разрушении не способствует датировке. Аргументы, основанные на молчании, всегда ненадёжны, особенно когда речь идёт о письме размером с открытку. Поэтому мы будем считать это письмо подлинным от Иуды, раба Иисуса Христа и брата Иакова, как говорит автор в первом стихе.

С одной стороны, стоит отметить скромность, с которой он называл себя братом только Иакова, хотя это также связывает его с главой движения Иисуса в Иудее и рабом, а не братом Иисуса, Того, Кто есть Господь как автора, так и слушателей. Хотя рабство представляло собой низший социальный статус в первом веке, раб также мог служить почётным титулом для людей, которые утверждали, что служат Богу с особой преданностью и что они принадлежат Ему. Моисей, Иисус Навин и Давид – все они названы рабами Божьими в иудейских писаниях.

В книге Откровения христианские пророки, как правило, являются рабами Бога, что даёт им право претендовать на авторитет как людям, воплощающим замыслы Бога на земле. Павел, Иаков и Иоанн, автор Откровения, также называют себя таковыми. Иуда обращается к тем, кто призван, кто возлюблен в Боге Отце и сохранён в Иисусе Христе.

Иуда очень мало рассказывает нам о своей аудитории. Он не указывает местонахождение их общин, в отличие от Павла, который делает это довольно последовательно. Он не даёт прямых сведений об их этнической принадлежности.

Содержание этого короткого письма предполагает, что аудитория знакома с иудейскими традициями о Каине, падших ангелах и Моисее, которых нет в канонических писаниях. Также предполагается определённая степень знакомства и уважения к Первой книге Еноха, которая возникла в палестинских еврейских кругах и, как известно, пользовалась там авторитетом. Например, этот текст был авторитетным в Кумранской общине и, следовательно,, вероятно, был авторитетным и для всего движения ессеев.

Это может привести к мысли, что аудитория состояла в основном из грекоязычных иудеев-христиан, которые были более подвержены влиянию этих традиций, хотя вполне могло быть и значительное присутствие обращенных из язычников, таких как Корнилий и его семья, с которыми мы сталкиваемся в Деяниях 10, как с жителями Кесарии приморской. Аудитория в Палестине также хорошо соответствовала бы сфере влияния и надзора, осуществляемого родственниками Иисуса. В то время как жители более сельских деревень Палестины, вероятно, не были бы подвержены смягчению моральных норм, о котором говорит Иуда, христиане в городских центрах Галилеи или на прибрежных равнинах, окруженные греческими и другими нееврейскими обычаями, а в некоторых случаях и сами отказавшиеся от них, вполне могли поддаваться искушению поэкспериментировать.

Именно в городских центрах внедрение культуры греческих симпосий, предполагающей более свободное употребление пищи, питья и общения во время христианской трапезы агапе, было бы более заманчивым. Наличие городской аудитории в Палестине также объяснило бы, почему Иуда писал на греческом, а не на арамейском. Конечно, это лишь догадки учёных, поскольку сам Иуда, опять же, очень мало сообщает нам о своих адресатах .

То, что он рассказывает нам о своих слушателях, – это то, что он говорит им о них самих. Они, как говорится, призваны, приглашены, любимы в Боге Отце и сохранены в Иисусе Христе. Как это часто бывает в ранней церкви, Иуда использует терминологию, которая когда-то применялась к историческому Израилю, для описания конкретного тела. собравшихся вокруг веры в Иисуса, вокруг веры, раз и навсегда врученной святым.

Об Израиле часто говорят как о народе, которого Бог призвал или призвал стать Его народом. Часто говорится, что Бог любит Израиль или считает его Своим. Но адресаты Его послания также сохраняются в Иисусе Христе.

Идея сохранения с определенной целью станет важной темой этого короткого послания. В стихе 21 Иуда призывает слушателей хранить себя в Божьей любви, которой они сейчас наслаждаются. Вторгающиеся учителя, с другой стороны, также сохраняются Богом, но во мраке преисподней в стихе 13, поскольку они действуют в том же духе, что и падшие ангелы, которые не сохранили своего царства, но перешли установленные Богом границы и теперь заключены в вечные оковы в том же мраке, как мы видим в стихе 6. Вторым стихом, «да умножатся к вам милость, мир и любовь», Иуда завершает типичную формулу, с которой начинается послание в мире первого века.

Эта формула – «приветствие от отправителя получателю» – чаще всего была выражена очень лаконично, как мы видим в эллинистических письмах, сохранившихся в изобилии, например, в Первой и Второй книгах Маккавеев, а также в сотнях нелитературных папирусных писем, найденных в песках Египта. Иуда, как и другие раннехристианские лидеры, подробно рассматривает каждый элемент. Здесь простое одно слово – «приветствие» – заменяется пожеланием милосердия, мира и любви, предположительно, с Богом как источником каждого опыта, чтобы они почтили на слушателях.

В сочетании с ободряющим описанием Иудой аудитории как желанных и любимых, это пожелание даёт твёрдую уверенность в благосклонности самого Иуды к тем, кому будет прочитано его послание, что, попутно, также располагает их к нему и к его предостережению. Любовь и милосердие также вызывают ряд резонансов на протяжении всего краткого послания. Иуда возвращается к теме милосердия в заключительных наставлениях, побуждая слушателей как сохранять надежду на милосердие Господа нашего Иисуса Христа, ведущее к вечной жизни, так и проявлять милосердие к своим сёстрам и братьям, которых они видят сбившимися с пути, ведущего к жизни.

Аналогичным образом, описание слушателей как возлюбленных и пожелание им продолжать ощущать Божью любовь в начале послания, сопровождается многократными обращениями к ним как к возлюбленным на протяжении всего послания и призывом хранить себя в Божьей любви, следуя путями святости и верности, к которым и к которым призвала их Божья благодать. Эти вступительные стихи, таким образом, служат для чёткого обозначения жанра письма, а также для выполнения двух основных требований, предъявляемых к убедительному началу любого обращения. Во-первых, они подтверждают авторитет и доброжелательность говорящего, и, во-вторых, озвучивают некоторые из ключевых тем обращения.

Хотя послание Иуды и относят к так называемым Соборным посланиям, которые, подобно Иакову и Первому Петру, действительно адресованы широкой аудитории, оно на самом деле затрагивает вполне конкретную проблему и ситуацию: появление учителей, не принадлежащих к определённой общине или группе общин. Возлюбленные! Усердно описывая вам наше общее спасение, я решил написать вам, чтобы увещевать вас подвизаться за веру, преданную однажды святым. Ибо вкрались некоторые люди, издавна преданные сему осуждению, нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к бесстыдному самоугодию и отвергающиеся единого Господа и Учителя нашего Иисуса Христа.

В этом коротком послании Иуда несколько раз называет своих слушателей возлюбленными, здесь и снова в стихах 17 и 20. Такие подтверждения его эмоциональной связи с ними, вероятно, укрепят доверие и уверенность в благосклонности Иуды, в отличие от других учителей, действующих скорее из корыстных побуждений, чем из искренней любви к верующим. Создаётся впечатление, что Иуда писал совсем другое письмо, которое нам очень хотелось бы получить, поскольку оно содержало бы более полное изложение того, что единокровный брат Иисуса понимал как евангельскую весть и какую надежду она приносила.

Это также является знаком благосклонности Иуды к слушателям. Он уже думал о них и об их вере и уже вкладывался в их укрепление. Однако текущие события, а именно появление и влияние странствующих учителей в общинах, которые были сферой заботы Иуды, теперь потребовали от него более неотложного вмешательства в дела верующих, чьё духовное благополучие было для него особенно важно.

В христианских общинах всегда циркулировало множество учителей. В Послании к Галатам мы находим упоминание о учителях-соперниках Павла, которые утверждались или пытались утвердиться среди его обращённых в провинции Галатия. Во 2-м Послании к Коринфянам мы снова встречаем учителей-соперников, которые пытались внедриться в общины Павла в Коринфе.

Мы снова находим учителей, стоящих за ситуацией Иуды, и находим их также и в ситуации, стоящей за Вторым посланием Петра. Обращаясь к Откровению, мы видим учителей, которых пророк называет Иезавелью или николаитами, утверждающих себя и своё видение христианской практики среди церкви римской провинции Азия. Использование Иудой образов этих учителей, проникающих тайком или пробирающихся в церковь, в стихе 4, ясно указывает на то, что эти учителя пришли извне.

В стихе 8 Иуда говорит об ошибках этих учителей, проистекающих из их сновидений, что предполагает, что они, подобно многим духовным гуру греко-римского мира, основывали своё учение и свой авторитет на откровении, основанном на экстазе, на притязании на прямой контакт с божественным и получение прямых авторитетных посланий от него. Образ пастырства, который появится в стихе 12, предполагает, что эти нарушители – люди, которые представляют себя и действуют как учителя или духовные лидеры. Иуда побуждает своих слушателей к безотлагательному состязанию за веру, за убежденность в Божьем вмешательстве и за образ жизни, обретающий милость у Бога, которым они делились, тем более, что это представляет собой вклад Самого Бога в откровение истины, дарованное общине святых.

Можно заметить, как формулировка Иудой стихов 3 и 4 ставит слушателей рядом с ним и противопоставляет их этим нарушителям. Иуда и адресаты наслаждаются общим спасением, которое, как показывает развитие послания, не разделяют эти учителя. Иуда также представляет себя и своих слушателей в роли защитников веры, в то время как нарушители предстают как явная и непосредственная угроза целостности веры, снова воспринимая веру как совокупность богооткровенного учения, которое формирует как убеждения, так и практику.

Фактически, Иуда будет оспаривать скорее этические принципы учителя, чем его учение. В XIX и XX веках противников Иуды было принято изображать гностиками, но на основании слишком скудных доказательств и довольно неверного понимания того, как на самом деле развивался гностицизм. Нет никаких реальных свидетельств христологических споров, лежащих в основе послания Иуды, подобных тем, что мы видим в 1-м и 2-м посланиях Иоанна.

Отрицание нашего единственного господина и Господа Иисуса Христа, скорее всего, отражает нежелание этих учителей повиноваться Иисусу, а не исповедовать Его. Сам Иисус, как известно, утверждал неразрывность исповедания и практического послушания. Почему вы называете Меня Господом, Господи, и не делаете того, что Я вам говорю? Их присутствие на вечерах любви верующих убедительно свидетельствует о том, что эти учителя сами идентифицировали себя как христиане.

Но, утверждает Иуда, их жизненный путь свидетельствует об обратном. Стих 4 определяет их главный проступок и, следовательно, главную опасность, которую они представляли для общин Иуды. Это их отказ следовать Божьим замыслам ради благодати, которую Бог проявил к непослушным.

Божья благодать не даёт права на самоуспокоение. Напротив, она даёт возможность и средства для спасения на Страшном Суде. Бог предлагает Свою благодать, чтобы, как говорит Иуда в стихе 24, уберечь вас от преткновения и поставить вас непорочными в великой радости пред славой Своей.

Слушатели Иуды оценили бы несправедливость и оскорбительность, присущие злоупотреблению щедростью дарителя и использованию его благосклонности в целях, противоречащих намерениям и целям дарителя. Мы, христиане XXI века, культурно отчуждены от этики дарения и воздаяния, этики доброго дарения и доброго принятия, уважая как дар, так и узы верности дарителю, стремясь в ответ содействовать

интересам дарителя. Иуда обвиняет нарушителей в нарушении этих священных уз, в извращении щедрой Божьей доброты, которая прощает грехи, а не наказывает их, освобождая место в своей жизни, и, вполне возможно, поощряет других верующих также освобождать место в своей жизни для потворства своим желаниям, а не для прославления Бога.

Представление о том, что Божья благодать подразумевает снисхождение, хотя и далеко отстоящее от апостольского Евангелия, было, тем не менее, довольно распространено в церквях первого века. Самому Павлу пришлось исправить выводы, которые его собственные обращенные сделали из его свободного от закона Евангелия. Можно вспомнить, например, как ему пришлось бороться с сексуальной распущенностью, допускаемой некоторыми группами в Коринфе, а также с чрезмерной свободой в отношении повторного участия в пирах, проводимых на территории идольских капищ.

Пророки и учителя в некоторых церквях, к которым обращалось откровение, подобно верующим в Коринфе, о которых писал Павел, также учили, что верующие могут позволить себе участие в идолопоклонстве ради поддержания мира с ближними. Самого Павла обвиняли в потворстве такому самолюбованию, от которого он яростно защищается в своем послании к христианам в Риме, подчеркивая нравственное преображение, к которому призывало его Евангелие. Незванные гости, против которых пишет Иуда, могли также придерживаться подобного образа мышления, или же они могли быть просто харизматичными паразитами, ищущими наживы и даже большего от доверчивых христиан.

Языческий автор II века Лукиан рассказывает о некоем Перегрине, который довольно долго пользовался доверием христианской общины, пока его неискренность не была раскрыта. Иуда представляет этих нарушителей не лучше многих других болтунов, торгующих своими философиями или религиями на рынке, ищущих способ наживы, не брезгуя ни чревом, ни чреслами. Определение этих нарушителей как нечестивых в стихе 4 устанавливает вербальную связь, связывающую их с объектами Божьего суда в предсказаниях Первой книги Еноха, с которыми мы столкнемся в 15-м стихе послания Иуды, и с лжеучителями, против которых предостерегали апостолы, с которыми мы сталкиваемся в стихе 18 настоящего послания.

Иуда добавляет, что эти нарушители, цитируем, были давно предназначены для этого осуждения в стихе 4. Утверждение, что они находятся под Божьим судом и должны испытать его, очевидно, поднимает вопросы, как минимум, о пользе дальнейшего терпения их влияния. Иуда называет их заблудшими и недалёковидными людьми, которых следует заново евангелизировать и искупить, а не голосами, к которым следует прислушаться. Большая часть послания Иуды будет посвящена демонстрации на исторических примерах, взятых в основном из общих Писаний, того, что те, кто ведут себя подобно этим нарушителям, попадают в беду, когда Бог вмешивается и призывает их к ответу.

Каин, Валаам, Корей и его спутники, мятежные ангелы, жители Содомы, поколение Исхода – всё это служит предостережением от следования по пути этих чужаков и предостережением для этих чужаков о том конце, который им уготован, если они

продолжат свой путь. Иуда, используя здесь сильный язык судьбы, может также предполагать, что чужаки играют роль, которая им, по сути, была уготована, поскольку апостолы предсказывали появление таких людей среди верующих.

Их сценарий был написан ещё до их появления среди верующих, к которым обращается Иуда. Конец их сюжетной линии хорошо известен из истории. Ситуация, вызвавшая это послание Иуды, отражает более широкий контекст возрождения пророчества в раннем христианском движении.

Ранняя церковь была убеждена, что повсюду, где она формировалась, она переживала новое излияние Духа и его проявление в харизматических дарах, в частности, в молитвах или говорении на незнакомых языках, произнесении пророческих слов, якобы исходящих от Господа, и так далее. Это отражено в таких отрывках, как Послание к Галатам 3, стихи 1-4, 1-е Коринфянам 2, стихи 1-5, и Послание к Евреям 2, стихи 3 и 4, которые все напоминают о повышенном осознании действия Святого Духа в общине. Это также отражено в Деяниях Апостольских, особенно в Пятидесятнице и проповеди Петра на Пятидесятницу, в служении апостолов в Самарии или в эпизоде с Корнилием в Деяниях Апостольских, глава 10.

Поэтому стало важным испытывать сказанное в Духе, чтобы убедиться, что это действительно верное слово от Господа. Поэтому в посланиях Павла мы находим: «Пророчества не унижайте, но всё испытывайте, и хорошего держитесь».

Пусть говорят двое или трое пророков, а остальные пусть взвешивают сказанное. Сам Иисус предостерегал от лжепророков, чьи слова, возможно, и соответствуют истине, но чьи мотивы корыстны и вредны для здоровья общества. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри — волки хищные.

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить и плоды худые, ни дерево худое приносить и плоды добрые.

Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их. Ученики должны исследовать результаты работы этих пророков среди себя, чтобы определить, истинны ли они.

Павел предупреждал христиан в Колоссах, что хвастовство учителя видениями ангелов или даже аскетичным образом жизни достаточно для защиты от мошенничества. Истинный авторитет исходит только от связи учителя со Христом. Автор Первого послания Иоанна, написанного после болезненного раскола церкви, предложил как этические, так и доктринальные критерии.

Учителя, не признававшие, что Иисус был воплощённым Христом, или не проявлявшие искренней любви к братьям и сёстрам, не были тронуты Духом Божьим. Позже, в первом или начале второго века, руководство по христианской литургии, посвящённое Святому Духу, трём церковным порядкам и этике, известное как «Дидахе» (что по-гречески означает «учение»), посвятило три из шестнадцати глав вопросу приёма, поддержки и испытания странствующих пророков. Им предоставлялась значительная

свобода и уважение, но если они, притворяясь, что говорят в духе, выпрашивали деньги или дары, их следовало изгнать.

Кроме того, их пропитание за счёт общины ограничивалось тремя днями, чтобы они не стали постоянными губками и не стали потенциальной помехой для местного руководства. Духовные дары не должны были стать постоянными талонами на еду. Послание Иуды – ещё один взгляд на этот феномен, помогающий общинам различать и учиться отличать надёжного учителя от того, кто уведёт их от веры, раз и навсегда переданной святым, и уведёт от того направления, куда эта вера должна направлять их в их собственной жизни.